

И.О. Родин, Т.М. Пименова

Митина любовь

Краткое изложение

Митя ухаживает за хорошенькой девушкой Катей. Она постоянно подтрунивает над его «мальчишеской неловкостью», выказывает свое превосходство над ним, «и он с болью воспринимал это, как признак какой-то тайной порочной опытности». Катя задумчиво читает ему строчки: «Меж нами дремлющая тайна. Душа душе дала кольцо...» Мите это неприятно, в особенности манерное чтение этих стихов. К тому же стихи напоминают Мите о средах, по которым Катя занимается в театральной студии, готовится держать экзамен на актрису. Митя заходит к Кате, она забегает к нему в студенческие номера на Молчановке. Свидания их «почти сплошь протекали в тяжком дурмане поцелуев». Но Мите внезапно начинает казаться, что в Кате что-то меняется. Ему чудится, что словно существуют две Кати — прежняя и другая, «мучительно не совпадавшая с первой». Митя утешает себя, объясняя перемену обычными «весенними женскими заботами». Директор театральной школы хвалит Катю (о чем она сообщает Мите), говорит, что она лучшая его ученица, начинает заниматься с ней дополнительно. «Было же известно, что он развращал учениц, каждое лето увозил какую-нибудь на Кавказ, в Финляндию, за границу». Митя ревнует Катю, но пытается ее оправдать. Постепенно он начинает ее ревновать ко всей «другой» жизни, которой она живет помимо него. Катя обвиняет его в том, что он Отелло и домостроевец, говорит, что «ревность — это неуважение к тому, кого любишь». Митя и Катя «еще не переступили последней черты близости, хотя позволяли себе в те часы, когда оставались одни, слишком многое», но и в эти минуты поведение Кати неуловимо меняется. Митя представляет себе ее с другим мужчиной и чувствует ненависть к ней, желание ее задушить — «прежде всего именно ее, а не воображаемого соперника».

Во время экзамена Катя имеет успех и вовсе не обращает внимания на Митю. Директор, «самодовольный актер с бесстрастными и печальными глазами... только ради пущей гордости делал ей иногда замечания». Катя «читала с той пошлой певучестью, фальшью и глупостью в каждом звуке, которые считались высшим искусством чтения в той ненавистной для Мити среде, в которой уже всеми помыслами своими жила Катя: она не говорила, а все время восклицала с какой-то назойливой томной страстностью, с неумеренной, ничем не обоснованной в своей настойчивости мольбой, и Митя не знал, куда глаза девать от стыда за нее».

Катя, вспоминая экзамен, говорила: «Разве ты не чувствовал, что я и читала-то так хорошо только для тебя одного!», а затем восклицала: «Не понимаю, за что ты любишь меня, если, по-твоему, все так дурно во мне!» Митя и сам не понимает, за что любит ее. Однажды Катя говорит: «Ты любишь только мое тело, а не душу!» «Опять это были чьи-то чужие, театральные слова, но они, при всей их вздорности и избитости, тоже касались чего-то мучительно неразрешимого». Митя думает над тем, что же все-таки есть любовь, и не может дать ответа.

Катя меняется еще больше. Теперь она все время куда-то спешит, не приходит к Мите, а приезжает, все время опаздывает и сокращает свидания. «И шляпки она теперь почти никогда не снимала, и зонтика не выпускала из рук». В конце апреля Митя решает «дать себе отдых» и на некоторое время уехать в деревню. Он измучил и себя, и Катю, и однажды она говорит: «Уезжай, я больше не в силах! Нам надо временно расстаться, выяснить наши отношения. Ты стал так худ, что мама убеждена, что у тебя чахотка». Уезжает он почти счастливый, так как на короткое время возвращаются их прежние отношения с Катей. В день отъезда Митя очень нервничает (когда он запаковывает чемодан, у него трясутся руки). К нему приходит проститься его приятель Протасов, юноша,

«усвоивший себе манеру держаться с добродушно-угрюмой насмешливостью, с видом человека, который старше, опытнее всех на свете». Он в курсе сердечных дел Мити. Он подтрунивает над его «детским» поведением, говорит, что «за всем тем, любезный мой Вертер из Тамбова, пора понять, что Катя есть прежде всего типичнейшее женское естество и что сам полицмейстер ничего с этим не поделает. Ты, естество мужское, лезешь на стену, предьявляешь к ней высочайшие требования... Тело твое есть высший разум, как справедливо заметил герр Ницше. Но законно и то, что ты на этом священном пути можешь сломать себе шею... Вообще, не спеши. «Юнкер Шмит, честное слово, лето возвратится!» (строка из Козьмы Пруtkова). Свет не лыком шит, не клином на Кате сошелся». Катя едет его провожать на вокзал, они плачут, прощаясь, до третьего звонка не могут расстаться. Наконец Митя уезжает. В доме родных в его сознании постепенно успокаивается и забывается тревожный образ Кати. Митя заглядывается на горничную Парашу. Он вспоминает свои беззаботные детские годы, свои прогулки в лесу, облака в вершинах деревьев, снег и первые проталины весной. «Казалось тогда, что именно эта весна и была его первой настоящей любовью, днями сплошной влюбленности в кого-то и во что-то, когда он любил всех гимназисток и всех девок в мире. Но каким далеким казалось ему это время теперь! Насколько был он тогда совсем еще мальчик, невинный, простосердечный, бедный своими скромными печалью, радостями и мечтаниями! Сном или, скорее, воспоминанием о каком-то чудесном сне была тогда его беспредметная, бесплотная любовь. Теперь же в этом мире была Катя, была душа, этот мир в себе воплотившая и надо всем над ним торжествующая». Митя смотрит на фотокарточку Кати, пишет ей длинное письмо. Ночью Мите слышится какой-то дикий, страшный крик в ветвях деревьев. Он понимает, что это какой-то «сыч, лесной пугач, совершающий свою любовь». Его обуревают страхи. Утром страхи отступают, но Мите вокруг чудится смерть. Он вспоминает обитый парчой гроб, стоявший у входа, когда умер отец, самого отца, лежащего на столе со скрещенными руками. Он вспоминает о своих тогдашних чувствах, когда ему в солнечном свете мерещились отблески золотой парчи с крышки гроба, когда ему постоянно чудился «в вымытом и много раз проветренном доме страшный, мерзкий, сладковатый запах». Его теперешнее состояние иное, хотя и напоминает о том времени, когда умер отец. Митя наблюдает за весенними изменениями в природе, и в них ему чудится присутствие Кати.

Однажды Митя идет по саду и видит двух девок — Соньку и Глашку. Одна хохочет, другая поет песню и демонстративно не обращает на него внимания. Соньке «барчук» нравится, она неловко ведет себя с ним и подозревает, что Митя живет с Парашей или домогается этого. Митя спрашивает, правда ли, что за Соньку сватался малый, красивый, с богатым двором. Сонька отвечает: «Богат, да дурковат, в голове рано смеркается. У меня, может, об другом об ком думки идут...» Сонька смеется, садится на землю отдохнуть, шутя зовет Митю присоединиться. Он устраивается рядом, кладет ей голову на колени, но потом вспоминает о Кате и, к удивлению Соньки, вскакивает и уходит прочь.

Писем от Кати все нет. Мите сообщают, что его звала к себе маменька. Мать, Ольга Петровна, пытается выяснить, что с ним происходит, так как, по ее наблюдениям, он «в последние дни что-то заскучал». Предлагает ему съездить к соседям по имению, у которых «полон дом невест». Митя отвечает уклончиво, а вечером часа два непрерывно бродит по дому, не находя себе места и уже не заботясь, как это будет истолковано.

С этого дня он перестает следить за изменениями, происходящими в природе. «Он видел и даже чувствовал их, эти перемены, но они потеряли для него свою самостоятельную ценность, он наслаждался ими только мучительно: чем было лучше, тем мучительнее было ему. Катя стала уже истинным наваждением; Катя была теперь во всем и за всем уже до нелепости...» Он почти перестает спать по ночам, постоянно вспоминает свои встречи с Катей, их походы в театр. Стыдясь каждое утро торчать на балконе в ожидании старосты или почтальона с письмом, он сам начинает ездить на почту. Потом решает, что если через неделю не будет письма, то он застрелится. В одну из поездок на почту Мите

встречается староста, который недоумевает: «Что ж вы монахом-то живете? Ай мало баб, девок?» Митю и самого ужасает дикий поступок, который он собирается совершить — «застрелиться, раздробить себе череп, сразу оборвать биение крепкого молодого сердца». Но он не видит возможности вырваться из заколдованного круга, в котором оказался. «Именно это-то и было непосильно — то самое счастье, которым подавлял его мир и которому недоставало чего-то самого нужного». Он смотрит на фотографию Кати. «Вся прелесть, вся грация, все то неизъяснимое, сияющее и зовущее, что есть в девичьем, в женском, все было в этой немного змеиной головке, в ее прическе, в ее чуть вызывающем и вместе с тем невинном взоре! Но загадочно и с несокрушимым безмолвием сиял этот взор — и где было взять сил перенести его, такой близкий и такой далекий, а теперь, может быть, даже и навеки чужой...» По дороге Мите встречается усадьба, и ему чудится Катя, сходящая к нему с балкона. Испугавшись галлюцинации, он отчаянным усилием воли заставляет себя перестать ездить на почту. Сам он тоже перестает писать. «Ведь все уже было испробовано, все написано: и неистовые уверения в своей любви, такой, какой еще не бывало на земле, и унижительные мольбы о ее любви или хотя бы о «дружбе», и бессовестные выдумки, что он болен, что он пишет в постели, — с целью вызвать к себе хоть жалость, хоть какое-нибудь внимание, — и даже угрожающие намеки на то, что ему останется, кажется, одно: избавить Катю и своих «более счастливых соперников» от своего присутствия на земле. Через несколько дней Митя едет со старостой на бегунках с хутора. Староста возвращается к их давешнему разговору, предлагает найти подходящую девку или бабу. Митя неожиданно для самого себя соглашается, уверяет, что не поскучится. Староста тут же предлагает Аленку, которая всего второй год замужем, и муж у нее на шахтах, добавляет, что завтра она среди прочих будет работать — «поправлять вал», приглашает его прийти посмотреть. Митя просит старосту постараться со своей стороны. На следующий день Митя побрился (несмотря на то, что растительность на его лице почти напрочь отсутствовала), надел желтую шелковую рубашу и со скучающим видом пошел в сад. На работах он видит штук шесть девок (Соньки не было, ее таки просватали), Аленка сразу бросается ему в глаза. Ему даже чудится ее некоторое сходство с Катей. Староста приглашает «Митрия Палыча» садиться, сам шепчется с Аленкой, вставляя в речь какие-то похабные намеки. Потом говорит, что с ней «барчук» желает побеседовать. Аленка спрашивает Митю, правда ли то, что он «с бабами не живет». Староста отвечает, что подходящей не нашлось, потом намекает, что сама Аленка вполне подошла бы. Та смущается и для вида отнекивается. Потом идет к девкам, шепчется с ними, они смеются.

На следующий день Митя во время прогулки случайно видит Аленку и в волнении прячется в кусты. После обеда в дом приходит староста, и они едут в лес (Аленка живет в доме лесника). В доме оказываются тесть и свекровь Аленки. Староста подпаивает тестя. Мите стыдно, он выходит из дома. Неподалеку наталкивается на Аленку, прямо спрашивает, придет она или нет. Та соглашается, но несколько раз повторяет, что задаром она не согласна, так как «вам здесь не Москва, где бабы сами плотят». Договариваются встретиться в шалаше в лощине возле барского дома. На следующий день мать отправляется на станцию встречать приезжающих родных — Аню и Костю. Митя отговаривается и, оставшись дома, терзается в ожидании часа свидания. Он то вспоминает о Кате, то думает об Аленке, то о своем намерении застрелиться. В назначенный час он бежит к шалашу. Его все больше охватывает возбуждение, но «странно... оно было какое-то самостоятельное, не проникало его всего, владело только телом, не захватывая души. Сердце, однако, билось страшно...» Приходит Аленка. Она торопит Митю. Тот дает ей смятую пятирублевку, потом наваливается на нее, не зная, надо ее целовать или нет. Та снова его торопит. После короткой близости, которая Мите приносит лишь разочарование, Аленка поднимается и спрашивает, правда ли то, что в соседнем селе поп дешево продает поросят.

На той же неделе Митя получает письмо от Кати, где она просит не поминать ее лихом, говорит, что она недостойна его, и сообщает, что решила уехать с тем самым режиссером, директором театральной студии, так как очень любит искусство. Катя просит Митю забыть ее и больше не писать ей. Весь день идет дождь, Митя ходит по саду, курит папиросу за папиросой и плачет. Начинается ливень. Мите мерещится сцена близости Кати с режиссером. «И Митя очнулся, весь в поту, с потрясающе ясным сознанием, что он погиб, что в мире так чудовищно безнадежно и мрачно, как не может быть и в преисподней, за могилой... Всего же нестерпимее и ужаснее была чудовищная противоестественность человеческого соития... Митя желал сказать, что он простит Кате все, лишь бы она по-прежнему кинулась к нему, чтобы они вместе могли спастись, — спасти свою прекрасную любовь в том прекраснейшем весеннем мире, который еще так недавно был подобен раю». Но он понимает, что возврата к прошлому нет. Не желая больше существовать в кошмарной действительности, Митя берет револьвер и пускает себе пулю в лоб.